

КРИСТИНЕ НЁСТАЙНГЕР

ИЛЬЗА ЯНДА,
ЛЕТ — ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Кристине Нёстлингер

Ильза Янда, лет – четырнадцать

«Альбус Корвус»

1974

Нёстлинггер К.

Ильза Янда, лет – четырнадцать / К. Нёстлинггер — «Альбус Корвус», 1974

ISBN 978-5-00114-185-3

«Я все напишу, хоть и не знаю, с чего начать» – признается Эрика. И действительно, попробуй разберись в этой непростой жизни, когда ты – ребенок, а взрослые, кажется, запутались еще сильнее. Как получилось так, что Ильзе, старшей сестре Эрики, стало невыносимо жить дома? И – самое главное – куда и с кем она сбежала?

ISBN 978-5-00114-185-3

© Нёстлинггер К., 1974
© Альбус Корвус, 1974

Кристине Нёстлингер

Ильза Янда, лет – четырнадцать

Christine Nöstlinger

Ilse Janda, 14 oder Die Ilse ist weg

© Verlag Friedrich Oetinger, Hamburg 1974. Published by agreement with Verlag Friedrich Oetinger, Hamburg, Germany

© А. Исаева, перевод, 1980

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

* * *

Я все напишу, хотя и не знаю, с чего начать и что писать. Я только знаю, чем все кончилось.

Кончилось тем, что Ильза пропала.

Ильза – моя сестра. Она пропала. Ильза не вернется. А если вернется, ее отправят в приют. Потому что невозможно больше нести ответственность – так они говорят. Попечительница из полиции сказала – сначала ее надо еще найти, а уж потом пусть мама решает. Папа считает, что тоже имеет право высказать свое мнение. Но кто его станет слушать. Да ему и сказать-то нечего.

Я не хочу, чтобы Ильза нашлась. Потому что ее отправят в приют.

Ничего я им не скажу.

Мама и Курт говорят, что я обязана рассказать все, что знаю. И папа, и бабушка, и все так говорят.

Ничего я им не скажу.

«Что угодно, только не это!» – сказала мне Ильза еще перед тем, как пропала. И была права. По-своему.

Когда мне будет четырнадцать, как Ильзе, может, и со мной так будет. И тогда Оливер пусть тоже меня не выдает.

Ничего им не добиться. Я ничего не знаю!

Она надела красное пальто и сказала, что пойдет купит тетрадь в линейку. С полями. Больше я ничего не знаю, мама!

Больше она мне, правда, ничего не сказала, Курт! Ну правда, папа, правда!

А я, госпожа попечительница, как раз решала очень трудное уравнение с тремя неизвестными. Я на нее даже и не взглянула!

«Радуйся, что у нас такая большая семья, – говорит мне иногда мама, – в этом есть свои преимущества». Называть нас «большой семьей» – нет, это плохая шутка. Но свои преимущества тут и правда иногда есть. Например, в день рождения. В этот день я получаю подарки от трех бабушек, трех дедушек, от мамы, от папы, от отчима, от папиной жены, от бывшей жены отчима и от шести братьев и сестер.

Сперва кажется, что во всем этом не разобраться. А ведь на самом деле все довольно просто. Моя мама вышла замуж за моего отца и родила двух детей: Ильзу и меня. Потом они развелись, и папа женился на другой, и у них опять родилось двое детей. А мама вышла замуж за Курта, и у них тоже родилось двое детей. А Курт еще раньше был женат, и у него есть ребенок.

Все это вовсе не такая уж редкость. В нашем классе у многих родители развелись, а потом опять женились и нарожали детей. Правда, некоторые не могут позволить себе новых детей – из-за алиментов на старых.

Мама с папой развелись, когда Ильзе было семь лет, а мне – пять. Говорят, они потеряли общий язык. Но что-то тут, наверно, еще было. А то зачем бы мама стала так прятать эту бумажку – решение суда о разводе. Один раз я искала свою справку о прививках и нашла это «Решение суда» в папке с документами, а мама как вырвет его у меня из рук! Я даже первый абзац дочитать не успела. Это вообще меня не касается. Так она сказала. И покраснела.

После развода мы с Ильзой сначала жили у бабушки – у папиной мамы. А папа остался на нашей старой квартире. А мама вернулась к своим родителям, и по субботам и воскресеньям мы тоже жили у ее родителей. Мама тогда работала секретаршей в газете.

В редакции она познакомилась с Куртом. Он был там редактором. Через два года она вышла за него замуж, и мы уехали от бабушки и стали жить у Курта. Потом у мамы родились Оливер и Татьяна. Татьяна – через год после Оливера. Оливер и Татьяна называют Курта папой. А мы с Ильзой – Куртом. Но отца и мать Курта мы все четверо зовем бабушкой и дедушкой.

Бабушку я вообще не перевариваю, потому что она меня не переваривает. А дедушка – ничего, хороший. Раньше мой дедушка – папин отец – тоже был очень хороший. Но теперь у него жуткий склероз, и он говорит так чудно. Бабушка иногда даже плачет, когда он так чудно говорит. Он все что-то бормочет себе под нос, а в последний раз даже спросил, как меня звать и кто я такая.

– Да ведь это же Эрика! Эрика! – крикнула бабушка.

(Дедушка еще вдобавок почти ничего не слышит.)

– Ах, да, да, Эрика! – сказал дедушка, а через две минуты опять спрашивает:

– Это что же за девочка? Как ее звать?

Каждый четверг я хожу после школы к бабушке и дедушке. Раньше Ильза тоже со мной ходила. Еще год назад. Когда дедушка не был такой чудной. А теперь она просто увиливает. А еще она говорит, что у бабушки всегда воняет кислой капустой и жареной картошкой. Это правда. Ну и что ж тут такого? По-моему, запах как запах.

Только это не бабушкиной капустой воняет. Это из квартиры Губеров – на их этаже. У них кухня прямо за дверью. И у бабушки тоже. А окон в кухне в их доме вообще ни у кого нет. Только дверь в коридор из стеклянных матовых плиток. А наверху на ней – форточка. И она всегда приоткрыта. Вот запах и идет в бабушкину квартиру. Что она может поделать?

– Родители моего экс-супруга живут ужасно! Просто ужасно! Трудно поверить, что в наше время такое еще возможно, – рассказывала мама недавно своим гостям. И тут она стала описывать кухню и комнату бабушки и дедушки. У них даже крана нет – моются в пластмассовом тазу. А в комнате ни проехать, ни пройти – две огромные кровати и четыре шкафа, доверху набитые всяким старьем. А под кроватями еще какое-то барахло: чемоданы, баулы, картонки, ящики.

– И представьте себе, в этой тесной каморке, заставленной ненужными вещами, стоит еще маленький столик. Другого у них вообще нет. А на нем громадный букет искусственных роз ярко-розового поросячьего цвета!

Ильза сидела рядом с мамой. Глаза у нее стали узкие-узкие, как у кошки. У Ильзы, когда она злится, глаза всегда как у кошки. Но мама даже и не заметила Ильзиного кошачьего взгляда. Она обернулась к Ильзе и спрашивает:

– А может, у них теперь уже другой букет на столе стоит?

– Пойди и посмотри, если это тебя так волнует! – вспыхнув, бросила Ильза и выбежала из комнаты.

Мама удивленно поглядела ей вслед, а гостя сказала, что девочки в переходном возрасте всегда очень трудны.

Тогда мама стала спрашивать меня. И я уже собиралась ей ответить, что бабушка сменила розы на три пластмассовых ириса, но не успела еще и рот раскрыть, как Курт крикнул:

– Да прекрати ты, черт побери, Лотта, обсуждать такие вещи!

И мама тут же переменяла тему. Я пошла в нашу комнату. Ильза сидела за письменным столом и покрывала ногти мертвенно-зеленым лаком. Она дрожала от злости, и зеленый лак то и дело попадал ей на пальцы.

Она сказала, что мама ее просто заводит. Ей просто дышать нечем, когда мама начинает вот так выступать.

– А ее итальянское зеркало в спальне, – не унималась она, – точно такая же мерзость, как бабушкины розы! Только стоит куда дороже! Мама воображает, будто что-то собой представляет – потому, что нашла себе мужа с квартирой в шесть комнат!

Я хотела успокоить Ильзу и сказала:

– Ты права, но волноваться из-за этого нечего.

– А ты вообще хладнокровная рыба! – взвилась Ильза и наговорила мне еще много всякого, но я все равно знаю, что она так не думает. Когда Ильза разойдется, она машет руками как бешеная.

Она задела флакон с лаком для ногтей, и он перевернулся. Мертвенный лак пролился на письменный стол. Я хотела его вытереть, но его разве вытрешь! Письменные столы у нас совсем новые. Я боялась, что мама из-за пятна будет ругаться. Я принесла растворитель и вылила его на пятно, но в растворителе, оказывается, есть ацетон, а от него сошла полировка, и опять получилось пятно, только еще больше.

– Ну вот, поправила дело, растяпа! – прорычала Ильза.

Никогда я не могу как следует разозлиться. Даже если со мной вот так обращаются.

Я сказала:

– Да не волнуйся ты! Я скажу маме, что это я виновата.

– Спасибо, обойдемся!

Она сказала это как-то так, что я поняла – нет, это она не воображает, это она всерьез.

– Но ведь мама знаешь как разойдется! Жутко! – сказала я.

– Ну и что? Пусть ее! Если мне это чересчур надоест, я вообще уйду!

До меня даже не сразу дошло. Я подумала, что она тогда просто уйдет в другую комнату. Или в туалет. Я и сама там часто отсиживаюсь, когда мама слишком долго меня ругает.

Но тут Ильза сказала:

– Я и так сыта по горло. У меня это все давно уже вот где сидит! Прямо хоть ори!

Я принесла из кухни мокрую тряпку и вытерла письменный стол. Красивее он от этого не стал.

– Куда же ты собираешься уйти? – спросила я.

– Да тут тысяча возможностей, тысяча!

Но прозвучало это так, будто ни одной возможности она назвать не могла. И я не стала ее больше спрашивать.

Я, наверно, не с того начала.

Я хочу написать про Ильзу. Надо, пожалуй, сперва описать, как Ильза выглядит. Это ведь очень важно.

Ильза красивая. Не то что хорошенькая, или миловидная, или как там еще говорят. Она красивая. Вся, сверху донизу. От прямого пробора на голове до пальцев на ногах с педикюром у нее нет ничего, что не было бы красиво.

У нее очень густые каштановые волосы, прямые, гладкие, до плеч. Ни разу еще у нее на лице не выскочил ни один прыщик. Глаза у нее серые, с зелеными точками. А нос совсем маленький. Она очень тоненькая, но грудь у нее высокая, конусом. Талия у нее всего сорок шесть сантиметров, и ее учитель рисования вычислил, что все пропорции у нее в точности, как у греческих статуй. Я могла бы исписать еще много страниц, рассказывая про внешность своей сестры. Про ее белые зубы и длинные ресницы, и про ноги, о которых Ганси говорит, что это «не ноги, а дивный сон». Но все равно это не главное. А главное – вот что: в Ильзе есть что-то, чего нет во всех других. Я уже сколько раз это замечала! Когда я на большой перемене захожу к ней в класс, там стоят у стены, сидят на подоконнике и бродят между рядами больше тридцати девочек. Хорошенькие, так себе и дурнушки. И среди них – Ильза. Но она какая-то совсем другая.

Герта из Ильзино класса тоже очень красивая. Но когда Герта надевает старый вылинявший свитер, все это сразу видят. А вот если моя сестра наденет старый застиранный свитерок, этого никто не заметит. Самый дешевенький свитер выглядит на ней как роскошный, самый модный пуловер из гламурного бутика.

Вот – теперь я знаю!

Моя сестра Ильза как будто сошла с рекламы. Только, конечно, не рекламы стирального порошка или там яичной лапши высшего сорта. Она – из рекламы дорогих духов и спортивных автомобилей для молодых людей. Принцесса кока-колы и мартини – вот она кто! Только по внешности, конечно.

Раньше Ильза не была такой красивой.

Когда мы еще жили у бабушки, мы каждый день ходили на рынок. Бабушка все покупает только на рынке. Она проходит по всем рядам, смотрит, пробует, ощупывает, приценивается. Запоминает, у кого сколько стоит салат, огурцы, апельсины. Самый дешевый товар всегда у госпожи Кратохвиль, и бабушка давно бы должна усвоить, что она отдает все дешевле других. Ведь бабушка вот уже сорок лет изо дня в день ходит на рынок. Но по ее понятиям, хорошая хозяйка сперва обойдет весь рынок, а уж потом покупает.

Когда мы с бабушкой ходили по рынку, все там всегда говорили Ильзе:

– Ты что так насупилась?

А про меня говорили, что я веселая и простая.

Дворник в том доме, где живет бабушка, сказал как-то: «Если б Ильза не глядела исподлобья, а улыбалась, ее даже можно было бы назвать красивым ребенком!»

Но Ильза в то время почти никогда не улыбалась. Во всяком случае, я этого не помню.

Я помню только, что она все время писала буквы. Она сидела за маленьким столиком перед вазой с букетом искусственных роз и исписывала буквами целые страницы. Дедушка сердился и говорил, что она себе зрение испортит, но она все писала и писала.

Она была тогда во втором классе. И как раз перешла в другую школу. Потому что мы ведь летом после развода переехали к бабушке, а бабушка живет очень далеко от нашего прежнего дома. Новая учительница в новой школе учила писать буквы совсем по-другому, чем старая. Поэтому Ильза и писала буквы – буквы, буквы, буквы.

Но все это было зря. Через два года мы все равно переехали к Курту. И Ильза снова попала к другой учительнице, а та опять потребовала, чтобы она писала буквы совсем по-другому.

Наверно, поэтому у Ильзы такой почерк – прямой, ровный, словно прописи. «Образцовый» почерк. «Ее тетрадки – просто отрада», – говорила нашей маме учительница на каждом классном собрании.

Но в последнее время Ильзины тетрадки вряд ли были отрадой для учительницы.

Вчера я наводила порядок в Ильзином письменном столе. Не потому, что я так люблю порядок, а просто мне хотелось подержать в руках Ильзины вещи. Лучше уж вещи, чем совсем ничего.

Ну, так вот, я разбиралась в Ильзином столе и заглянула в ее тетради. И тут я просто обалдела. В каждой тетрадке была исписана всего одна страница, да и то не до конца. А в тетрадке по математике и по латыни вообще все страницы были чистые.

Ничего я не понимаю! Ведь она каждый день после школы часами сидела за письменным столом. Иногда до позднего вечера, когда я уже лежала в постели. И если я пыталась с ней заговорить, не поднимая головы, отвечала: «Тише, я занимаюсь», «Замолчи, ты мне мешаешь». А еще я нашла у нее в столе записные книжки – четыре маленькие и три большие. И все исписаны ровненькими каракулями – петелька за петелькой, петелька за петелькой... И так строка за строкой. А на некоторых строчках – зубчики. Зубчики, зубчики, зубчики... А несколько страниц сверху донизу зарисованы какими-то крошечными ящичками – красными и зелеными.

Нет, я правда ничего не понимаю! Выходит, Ильза часами сидела за письменным столом и рисовала петельки, зубчики и ящички. Чем вот так сидеть и рисовать петельки и ящички, по-моему, лучше уж уроки делать. Или совсем ничего не делать – слушать пластинки.

Дневник ее в синем бархатном переплете тоже лежал там, в ящичке. Такой, с золотым замочком посередине – он прикреплен к бархату четырьмя гвоздиками. Замок был заперт, и я вытащила гвоздики. Но в дневнике вообще ничего не было! Даже петелек не было, даже зубчиков. И ни одного ящичка. Но на письменном столе под бумагой я нашла записку: **ВОЛЬФГАНГ, Я ПО ТЕБЕ ТОСКУЮ! А ТЫ И НЕ ЗНАЕШЬ.**

Записка была очень старая, двухлетней давности, не меньше. Потому что написана зелеными чернилами. А Ильза уже давным-давно пишет синими.

Когда я прочла эти слова – **ВОЛЬФГАНГ, ТОСКУЮ**, – мне стало как-то не по себе. Во-первых, потому, что я прочла то, что меня вовсе не касается, а еще потому, что Ильза просто взбесилась бы, если б узнала, что я это прочла. Это уж точно. А еще потому, что «тосковать» – это что-то очень странное. Я не хочу, чтобы моя сестра «тосковала». Не знаю, какого Вольфганга она тогда имела в виду. Их так много, этих Вольфгангов. Не меньше чем о восьми могла тут идти речь. И на всех восьмерых Вольфгангов я разозлилась: почему это по какому-то из них моей Ильзе пришлось тосковать! А еще мне стало грустно, что сама я об этой тоске даже и не догадывалась.

Я попробовала вспомнить, как все было тогда – два года назад. Но все равно я не могла додуматься, какого из Вольфгангов она имела в виду. Трудно представить, чтобы у Ильзы тогда оставалось еще время на какого-то Вольфганга.

Каждый четверг мы ходили в гости к бабушке и дедушке. Каждую субботу должны были встречаться с папой. В среду в обязательном порядке посещали маминых родителей. (Мама тогда еще с ними не поссорилась.) В понедельник после школы мы должны были сидеть дома – ждать прихода дедушки и бабушки.

А воскресенье – «семейный день», это и теперь так заведено. Мама твердо стоит на том, что мы всей семьей должны выезжать на машине куда-нибудь за город. Тут уж не отвертишься. Даже не заикайся, что хочешь подготовиться к контрольной или к сочинению.

А по вечерам два года назад Ильза обязана была уже в семь часов быть дома. На пятнадцать минут опоздаешь – у мамы припадок.

Тут уж для Вольфганга и минутки не сыщешь. Для тоски – еще пожалуй.

А может, это был тот Вольфганг, который подарил ей морскую свинку?

Мама всегда против животных. И Курт тоже. Я всю жизнь мечтаю о кошке. Черной-пре-черной. Но маму не прошибешь.

Это было примерно два года тому назад. Зимой. Да, зимой, потому что было уже темно, когда Ильза вернулась домой с тренировки. Она позвонила, я открыла дверь. В руках она держала коробку. Она стояла, прижав ее к груди.

Мама была тут же, в передней, говорила по телефону с приятельницей. Она обернулась и с любопытством взглянула на коробку, а потом на Ильзу.

Ильза все стояла у вешалки, не снимая пальто, крепко обхватив руками коробку. Мама повесила трубку и спросила:

– Что это у тебя там, в коробке?

Ильза не отвечала. Мама подошла к ней и заглянула в коробку.

– Ты что, с ума сошла? – вскрикнула она.

Ильза, не отвечая, в упор смотрела на маму.

– Ни под каким видом! – резко сказала мама. – Откуда у тебя эта пакость?

Она говорила еще много и почти уже перешла на крик. Ильза все глядела на нее молча.

Тут из гостиной вышел Курт, а из детской выбежали Оливер и Татьяна. Татьяна тогда была еще совсем маленькая. Она хотела заглянуть в коробку и с ревом дергала Ильзу за полу пальто:

– Посмотреть! Посмотреть! Посмотреть!

Ильза не давала ей посмотреть.

Я хотела вынуть морскую свинку из коробки и погладить ее. Ильза отодвинулась от меня, отступила к двери. Я поняла, что она и меня не хочет подпустить к свинке.

Оливер ухитрился, поднявшись на цыпочки, заглянуть в коробку.

– Я тоже хочу морскую свинку! – крикнул он.

– Сейчас же отнеси ее туда, где взяла! – в голосе мамы появилась визгливая нотка. – Сию же минуту!

– Может быть, оставить ее денька на два для пробы? – тихо сказал Курт маме. Но Оливер и Татьяна расслышали.

– Оставить, оставить, оставить! – закричал Оливер.

Мама сердито посмотрела на Курта, но потом сказала, вздохнув:

– Ну что ж, если ты так считаешь.

И ушла на кухню.

Курт побежал за ней и стал извиняться. Ведь он только внес предложение. Ведь свинку еще не поздно отнести туда, где ее взяли.

– Для пробы! Какой идиотизм! – возмущалась мама. – Если уж они ее втащат в дом, ее у них не отберешь!

Потом она снова вздохнула и сказала:

– Ну все, теперь у нас поселилось это безобразное животное! А кто будет за ним убирать? Покупать корм? Знаю я, как это бывает! У меня тоже была морская свинка. В детстве. А кому приходилось о ней заботиться? Моей матери!

Но мама ошиблась. Ильза сама заботилась о морской свинке. Она купила ей клетку из своих денег на карманные расходы и корм с тремя витаминами. Каждый день она чистила клетку. Она часами держала свинку на коленях и гладила ее.

Только мне одной разрешалось до нее дотрагиваться. Мама и Курт, правда, и без того не собирались трогать свинку, но Оливер и Татьяна только об этом и мечтали. Да и понятно. Но Ильза им не разрешала. Когда она уходила, она ставила клетку с морской свинкой на шкаф. А когда была дома и Оливер с Татьяной приходили к нам в комнату, чтобы поиграть со свинкой, шипела:

– А ну-ка, испаряйтесь отсюда! По-быстрому!

Когда Ильзы не было дома, я всегда разрешала Оливеру играть с морской свинкой. Не знаю, чем он мог повредить зверьку. Ведь морская свинка – я установила это совершенно точно

– вообще не имеет никаких личных привязанностей. Ей абсолютно все равно, кто ее гладит. Мне кажется, и мама по утрам, когда мы были в школе, доставала клетку со шкафа. В комнате Оливера и Татьяны я не раз находила опилки, которыми посыпан пол клетки, а один раз даже нашла огрызок морковки.

Морская свинка жила у нас целый год, а потом случилось вот что. Ильза мыла голову в ванной, а я вытирала посуду на кухне.

Дверь в нашу комнату была открыта. Клетка с морской свинкой стояла на Ильзином письменном столе.

Татьяна вбежала в комнату. Она вскарабкалась на стул, со стула – на стол и вынула морскую свинку из клетки.

Наверно, она ее слишком крепко сжала и сделала ей больно. Татьяне было тогда всего три года. Во всяком случае, Анжелика – так звали морскую свинку – почувствовала опасность. Сперва она громко завизжала. А потом Татьяна заорала как резаная. Морская свинка укусила ее за палец. Довольно сильно. Из пальца текла кровь.

Ильза услышала визг морской свинки и прибежала из ванной с намыленной головой.

Мама услышала рев Татьяны и прибежала из гостиной.

А я прибежала из кухни.

Татьяна стояла на столе, подняв вверх окровавленный палец, и громко ревела.

Морская свинка лежала на полу рядом с дверью. Из ее мордочки текла кровь. Куда больше крови, чем из пальца Татьяны.

Ильза подняла морскую свинку. Та была мертва.

Наверно, она стукнулась головой о ручку двери, когда Татьяна в испуге ее швырнула.

Ильза подошла с мертвой морской свинкой к своей постели. Она положила ее на одеяло. Сначала мне показалось, что Ильза хочет сесть на кровать и что она вот-вот заплачет. Но она не села и не заплакала.

Мама сидела на стуле возле письменного стола Ильзы. Она держала на коленях Татьяну и дула ей на палец, приговаривая:

– Ну ничего, ничего! Вот видишь, уже совсем не больно! Сейчас все пройдет!

И вдруг Ильза подскочила к маме. Она схватила Татьяну и поставила ее на пол.

– Я убью ее! – заорала она. – Я убью ее!

Это было просто ужасно.

Татьяна заревела еще громче. За одну руку ее тянула Ильза, за другую мама.

– Сейчас же оставь в покое ребенка! – мама задыхалась.

– Я убью ее! – орала Ильза.

Мама отпустила руку Татьяны и начала хлестать Ильзу по щекам. Ильза топталась на месте с выражением бешенства на лице и, нечаянно наступив маме на ногу, разорвала ей чулок и оцарапала лодыжку. Тут Татьяна вырвалась и с ревом выбежала из комнаты.

Мама продолжала хлестать Ильзу.

– Ты совсем спятила! Ты вообще разум потеряла! – пронзительно кричала она. – Из-за какой-то паршивой свинки ты готова убить сестру!

Мама схватила Ильзу за волосы.

Потом она толкнула ее на постель, на мертвую свинку, и вышла из комнаты. Руки ее дрожали, она так тяжело дышала, как будто ей было плохо с сердцем.

Ильза целый час лежала на постели. С мокрой намыленной головой она лежала на окровавленной мертвой свинке, и я не могла придумать, как мне ее утешить.

Через час Ильза поднялась.

Она достала из ящика письменного стола коричневую оберточную бумагу, завернула в нее морскую свинку, взяла красный карандаш и написала большими буквами: «Анжелика». Потом сунула мне сверток в руки и тихо сказала:

– Отнеси ее вниз на помойку.

– Мы можем похоронить ее у бабушки в саду, – предложила я.

Ильза покачала головой.

– Неси на помойку.

Я взяла сверток и спустилась с ним в подвал. Там я бросила Анжелику в бак для мусора.

Вечером Курт пришел в нашу комнату. Выражение лица у него было довольно беспомощное. Он спросил, нельзя ли ему купить Ильзе другую морскую свинку.

Ильза тупо поглядела на него и сказала:

– А ты купи своим собственным детям!

Лицо у Курта стало еще беспомощнее. Он два раза открыл рот и снова закрыл его. Хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и вышел из комнаты.

Я сказала Ильзе, что она все же несправедлива к Курту. Ведь Курт-то меньше всех виноват. Она набросилась на меня:

– Может, тебе его жалко? Может, ты его любишь?

– Он ничего мне не сделал, – сказала я. Я не хотела спорить с Ильзой. – Да и тебе тоже.

Он мне не мешает.

Мне хотелось как-нибудь защитить Курта.

– Зато мне мешают его дети! – крикнула Ильза.

Я сказала, что это ведь дети не только Курта, но и нашей мамы, а значит, наши брат и сестра. Но Ильза возразила:

– Нет, мне они уж никак не брат и сестра! Так же как папины дети! Или, может, и макаки – твой брат и сестра?

Под макаками она подразумевала новых детей папы. Я покачала головой. Макаки я тоже терпеть не могла.

– Ну вот, – торжествуя сказала Ильза.

– Но ведь Оливер иногда такой милый, – сказала я.

– Ну и что? Мне-то какое до этого дело?

– Никакого. Конечно, никакого.

Я не хотела с ней спорить. И еще мне было ее жалко. Когда у человека убьют его любимую морскую свинку, слишком уж много от него требовать – чтобы он находил убийцу или его родственников милыми.

Но хотя Ильза постоянно твердила, что она терпеть не может Татьяну и Оливера, я ей не так-то уж верила: Оливер не раз показывал мне жвачки и леденцы, подаренные Ильзой. А один раз показал даже маленькую гоночную машинку. И с прогулками было то же самое.

Раз в неделю Ильза должна была гулять с Оливером и Татьяной. Ильза, правда, всегда проклинала эти прогулки и говорила, что уж лучше бы ей выводить на прогулку семь такс, чем этих двоих животных, но я несколько раз видела их втроем в парке – Ильза сидела в песочнице, играла там с ними и что-то говорила с улыбкой. Правда, стоило ей заметить меня, как она тут же вскакивала и кричала:

– Ну все! Хватит с меня этих мерзких гномов! Отведи-ка ты их домой!

Месяца два тому назад Ильза начала мне рассказывать, что она теперь снова дружит с Амрай. Три-четыре раза в неделю она говорила со мной про эту Амрай. Как она рада, что Амрай снова стала ее подругой, потому что Амрай гораздо умнее, веселее, взрослее, чем все эти дурехи из ее класса.

С Амрай они дружили еще в начальной школе. Теперь Амрай учится в школе при монастыре. Как-то он там называется – вроде монастырь «Сакре-кёр-де-нотр-дам-де-сион». Это такая школа, где много вышивания, шитья и много уроков закона божьего.

Ильза рассказывала, что Амрай она встретила случайно, на улице. Сперва они даже не знали, о чем говорить друг с другом, но потом пошли вместе в кафе, ели ванильное мороженое, и тут-то Ильза заметила, что Амрай все такая же симпатичная, как и раньше. А еще Ильза меня попросила, чтобы я ничего не рассказывала маме про эти встречи с Амрай, потому что мама ее просто не выносит.

– Да что ты! – возразила я. – Это ведь уже так давно было! Мама, наверно, вовсе и не помнит Амрай.

– Нет, нет, – утверждала Ильза, – совсем еще недавно она сказала, что Амрай – самая большая дурища из всех, какие ей когда-либо встречались!

Разумеется, я пообещала Ильзе не говорить про Амрай ни словечка.

Ильза все уши мне прожужжала с этой Амрай. Как они были вместе в кафе и ели мороженое, как ходили в кино, как... И когда она говорит маме, что идет к Эви, это на самом деле она встречается с Амрай, и когда рассказывает, что идет в Молодежный театр, она тоже встречается с Амрай. По правде сказать, меня всегда удивляло, чего ради Ильза так скрывает Амрай от мамы и Курта. Я спросила Ильзу, почему Амрай никогда за ней не зайдет. Но сейчас я уже не помню, что она мне тогда ответила.

А потом – недели три назад – у нас дома произошел жуткий скандал.

Это было в субботу. Ильза сказала, что идет в театр вместе со своим классом. Почти все идут. Вернется домой в десять.

Мама предложила заехать за ней в театр на машине, но Ильза сказала, что это совершенно лишнее: отец Эви возьмет ее с собой и довезет до дома.

Ильза не пришла ни в десять, ни в пол-одиннадцатого, ни в одиннадцать. В половине двенадцатого ее все еще не было дома.

Мама позвонила родителям Эви. Они уже спали и были не слишком любезны. Мать Эви ответила, что ей абсолютно ничего не известно о посещении театра, а Эви давным-давно спит.

Мама извинилась и сказала, что все это, как видно, недоразумение. Потом мама и Курт долго сидели в гостиной. Они почти не разговаривали. Каждые десять минут они сообщали друг другу который час. Несколько раз Курт сказал:

– Да, это в самом деле никуда не годится! Так продолжаться не может!

– Этого просто нельзя допускать, – сказала мама. – Потом будет поздно!

Я лежала в кровати. Дверь нашей комнаты и дверь гостиной были чуть приоткрыты, и я слышала каждое слово. Я попробовала не спать. Но потом все-таки уснула. Я проснулась, услышав в гостиной голос Ильзы. Был второй час ночи. Я вылезла из постели и прокралась в прихожую. Ильза, видно, только что вернулась домой.

Она рассказывала, как чудесно было в театре и что отец Эви оказался поразительно милым человеком: он пригласил весь класс после театра в шикарный ресторан.

– Как мило, – сказала мама.

– Удивительно любезно, – сказал Курт.

Потом Ильза стала перечислять, что они ели, что ела Эви, что Герта и что все остальные. Мама и Курт все время говорили: «Ах, вот как?», «Так-так», «Исключительно интересно».

Я еще не совсем проснулась, но все-таки я заметила, что будет очень плохо, если Ильза станет и дальше рассказывать про ресторан, про разные блюда и про отца Эви. Я сделала над собой усилие и вошла босиком в гостиную.

– Эрика, сейчас же иди в постель! – крикнула мама.

Ильза как раз говорила:

– А потом отец Эви хотел нас всех посадить в такси, но найти такси было просто невыносимо!

– Вот беда! – сказала мама.

Но Ильза не заметила насмешки.

Я подумала, что это низко со стороны мамы, и сказала:

– Ильза, мама звонила отцу Эви. Он уже спал.

Мама сердито на меня посмотрела и крикнула:

– Сейчас же убирайся отсюда!

– Эрика, выйди из комнаты! – сказал Курт.

Мама взбесилась из-за того, что я испортила ей всю игру. Она наверняка рисовала себе такую картину: она даст Ильзе рассказать до конца, а потом медленно и с издевкой скажет:

– Но как же так получается, что столь милый и любезный отец Эви давным-давно спит и ничегошеньки обо всем этом не знает?

А теперь она не могла уже так сказать. Потому и глядела на меня с бешенством.

Я вышла из гостиной, но остановилась за дверью. Я хотела все-таки знать, что же будет дальше. Ильза вела себя как ни в чем не бывало. Принцесса кока-колы и гоночных машин для молодых картинно сидела в кожаном кресле и с удивлением спрашивала:

– Как же это так? Отец Эви заехал за нами в театр!

Тут Курт вскочил и заорал, что его-то уж она не одурачит!

– Может быть, мне позвонить теперь отцу Эви? – спросила мама.

– Пожалуйста! Можешь ему позвонить! – ответила Ильза.

Мама крикнула, что она еще не настолько сошла с ума, чтобы будить в половине второго ночи спящих людей.

– Это ведь была твоя идея, а не моя, – сказала Ильза.

Курт взревел, что Ильзе никто не дал права дерзить его жене. Он так и сказал – «моей жене».

И тут – у меня прямо дух захватило – Ильза откашлялась, а потом заявила:

– Тебя, Курт, это вообще не касается. Я не обязана давать тебе отчет! Если ты женился на моей матери, это еще не значит, что ты можешь мною командовать!

Раздался звонкий шлепок. Мама дала Ильзе пощечину. А потом Курт выскочил из гостиной и чуть не сбил меня с ног.

– Курт! – крикнула мама. – Вернись! Она должна перед тобой извиниться!

Но Курт не вернулся. Он вбежал в спальню и хлопнул дверью. Почтмейстер внизу под нами наверняка проснулся, если, конечно, он не проснулся гораздо раньше от нашего крика.

Потом я еще слышала, как мама требовала от Ильзы извинения и грозила ей всеми возможными и невозможными карами, если она сию же минуту не извинится.

Ильза не извинилась. Она вышла в переднюю. Она сказала мне:

– Лучше язык себе откушу!

И заплакала, и сжала кулаки. Крепко-крепко. Я потом видела следы ногтей на ее ладони.

В нашей комнате, когда она раздевалась и уже лежала в постели, она все повторяла:

– Нет, я этого не выдержу. Я этого просто не выдержу!

– А по правде, где ты была? – спросила я. Я задала этот вопрос еще три раза, пока Ильза не перестала наконец повторять одно и то же и не ответила:

– Я была вместе с Амрай в баре, – и потом она еще сказала: – А теперь я хочу спать. Спокойной ночи.

Я лежала в постели. Было темно-темно. Я прислушивалась к дыханию Ильзы. Нет, она не спала. Она дышала неравномерно.

– А что делают в баре? – спросила я. – А разве туда пускают двух девушек? Одних?

Кровать Ильзы заскрипела. Она, наверно, отвернулась к стене.

На следующий день было воскресенье. Я проснулась, потому что Оливер сидел у меня на кровати и тянул к себе подушку.

– Вставай, вставай, вставай, – повторял он.

– Сколько времени? – спросила я.

– «Бей – кто сильнее!» уже прошла!

Он хотел сказать, что уже больше десяти, потому что эта воскресная передача кончается по радио в десять. Оливер еще не понимает по часам.

Я села на кровати. Утром я всегда никак не могу проснуться. Сначала я даже не помнила, что было этой ночью. И не думала о том, что сегодня воскресенье. Я глядела в окно и видела, что светит солнце, а рыжая толстуха в доме напротив раскладывает на подоконнике одеяла и подушки. Она всегда это делает по воскресеньям. Я поглядела на Ильзину кровать. Ильза еще спала. Ее ноги выглядывали из-под одеяла. На них был педикюр с желтым, как желток, лаком.

Обычно мама будит нас в воскресенье в половине девятого. Чтобы мы не слишком поздно выбрались на воскресную прогулку.

– Сегодня прогулки не будет? – шепотом спросила я Оливера.

Оливер покачал головой.

– Все еще спят, что ли?

Оливер опять покачал головой.

– Почему не будет прогулки?

Оливер пожал плечами.

– Не знаю. Папа куда-то уехал на машине, совсем рано. Еще темно было.

– А мама?

– Мама очень сердитая.

– Почему? На кого?

Оливер опять пожал плечами.

– Вообще, – сказал он.

Я встала и пошла с Оливером на кухню.

На кухне сидела мама. Она сидела за кухонным столом и читала старый номер «Бригитты».

– Можно мне позавтракать?

– Приготовь завтрак сама, – сказала мама, обращаясь к «Бригитте».

Отказ от приготовления завтрака означает у мамы высшую степень раздражения. Раз уж мама не готовит завтрак, значит, она на пределе.

Я достала кастрюлю из шкафа.

– Не хлопай так дверцей! – вскинулась мама.

Я вынула пакет из холодильника и налила молоко в кастрюлю. Две капли попали на стол.

Мама подняла глаза от «Бригитты».

– Почему ты всегда все проливаешь?

Я взяла полотенце и вытерла стол.

– Ты что, с ума сошла? Это же посудное полотенце!

– Ты будешь какао? – спросила я Оливера.

– Я завтракал, – сказал Оливер. – Мама уже готовила мне завтрак. Мне и Татьяне.

– А как ты считаешь! Они еще слишком малы, чтобы готовить себе завтрак! – резко сказала мама, обращаясь ко мне.

Но ведь я ничего и не говорила. Потом мама встала, захлопнула «Бригитту» и намазала мне два бутерброда с маслом и мармеладом. Так много масла, просто есть противно. Но я ничего не сказала.

– Я хочу в лес! – крикнул Оливер. – В лес, в лес, в лес!

– Помолчи, – сказала мама. В кухню вошла Татьяна. Она была в ночной рубашке. На животе у нее красовалось огромное пятно от какао.

– Какао бухнулось в постель! – сообщила она. – Плавает в постели!

– Вы мне просто на нервы действуете! – крикнула мама. И выбежала из кухни, громко хлопнув дверью.

Я осталась на кухне. Я слышала, как мама в передней хлопает дверцами шкафа и бормочет что-то себе под нос. Наверно, она искала чистую простыню для Татьяны. Я хотела заглянуть в «Бригитту», но Оливер и Татьяна не оставляли меня в покое. Татьяна хотела строить, а Оливер боксировать. Тогда я тоже сказала:

– Вы мне просто на нервы действуете! – и, выбежав из кухни, хлопнула дверью.

После обеда вернулся Курт. Он принес маме букет цветов, и мама была растрогана.

Потом Курт попробовал поговорить с Ильзой. Пусть она все-таки скажет, где была. Она ведь среди людей живет, не среди зверей каких-нибудь. Он, например, многое может понять.

– Аминь! – ответила Ильза.

Татьяне понравилось это слово. Она бегала вокруг Курта и все повторяла:

– Аминь, аминь, аминь, аминь!

Мама вообще не разговаривала с Ильзой. Зато мне она сообщила, что теперь у нас все пойдет по-другому. Раз не выходит по-хорошему, надо принять другие меры. Она повысила голос:

– Теперь Ильза никуда не будет ходить по вечерам! А после школы ей придется тут же возвращаться домой!

Еще мама сказала, что Ильза не получит больше денег на карманные расходы. И никаких новых платьев.

Ильза лежала в нашей комнате на постели и читала газету. Но мама говорила так громко, что она наверняка слышала каждое слово.

– Ей слишком хорошо живется! Вот в чем дело! – крикнула мама.

И вдруг она, словно фурия, бросилась в ванную. Она рванула дверцу зеркального шкафчика и с криком «Вот, вот, вот! Все у нее есть!» стала выбрасывать из него всю Ильзину косметику.

Бутылочка с подводкой для глаз упала на кафельный пол и разбилась. Губная помада полетела в ванну, а тюбик с тоном в раковину.

Все гремело и дребезжало. Оливер и Татьяна вошли в ванную и с испугом глядели на эту сцену. Потом пришел Курт и попросил маму взять себя в руки.

Мама прикусила нижнюю губу, у нее немного дрожала голова и руки, но она все-таки нашла щетку для волос и причесалась, а потом сказала, обращаясь ко мне: «Убери-ка все это!» – и вышла из ванной.

Курт стал помогать мне убирать остатки косметики. Но это оказалось не так-то просто. Трудно себе представить, сколько черной жидкости содержится в такой крошечной бутылочке с подводкой. Мы терли и терли как бешеные, но кафельный пол становился все чернее и чернее. А так как Татьяну и Оливера невозможно было выгнать из ванной и они топтались в черной луже, вскоре и ванна, и стены, и полотенца стали черными. И вдруг Оливер схватил своей черной лапой Курта за рукав. На белой рубашке Курта теперь красовалось черное пятно. Он бросил тряпку и крикнул:

– Черт бы побрал всю эту грязь! Мне-то какое дело до всего этого! Пусть сама убирает!

Он выскочил из ванной. Черные следы от его ботинок на дорожке в передней еще и теперь видны. Кого он имел в виду, говоря: «Пусть сама убирает!» – маму или Ильзу, – я не знаю.

Я, во всяком случае, еще целый час терла пол в ванной, и мне, по правде сказать, было себя немного жалко.

Ильза лежала до вечера на постели и читала газету, а потом – старые выпуски с Микки Маусом и старые детские книжки. Говорить со мной она не хотела. Каждые две минуты она смотрела на часы. Я видела, что Ильза нервничает – она обкусывала кожу на пальцах. (Раньше Ильза грызла ногти. Теперь, чтоб не испортить маникюр, она кусает пальцы.)

Потом в передней зазвонил телефон. Мама взяла трубку. Раз пять она повторила: «Слушаю! Кто говорит? Слушаю!» Но ей не отвечали.

Через полчаса снова зазвонил телефон. На этот раз подошла я. Мужской голос сказал:

– Добрый день. Попросите, пожалуйста, Ильзу.

Мама была тут же в передней, она разбиралась в шкафчике для обуви.

– Кто это? – спросила она меня.

– Ильза, тебя! – крикнула я.

Мама подошла и взяла трубку у меня из рук.

– Простите, кто говорит? Алло, кто говорит? Да отвечайте же!

Я, наверное, и сама бы ни слова не ответила, если бы на меня так рыкнули. Мама бросила трубку.

– Опять никто не отвечает! – резко сказала она. А потом начала допрашивать меня, какой это был голос – мужской или женский.

Я не знала, что отвечать. Через открытую дверь я видела Ильзу – она стояла посреди комнаты. Она вскочила с кровати, когда я позвала ее к телефону, а теперь пристально смотрела на меня.

– Женский голос. Какая-то девочка, – сказала я.

– Ты в этом уверена?

– Там такой шум был в трубке, но, по-моему, это Ули.

Ильза продолжала глядеть на меня в упор. Мне показалось, что она хочет сказать: «Молодец, хорошо, сестричка. Продолжай в том же духе!»

– Нет, это точно Ули, – сказала я.

Ильза вышла в переднюю.

– Мы хотим вместе делать математику, – сказала она. – У нас на той неделе контрольная.

Ильза сказала это не мне и не маме, а обращаясь к стене. Потом она добавила:

– Ну, я пошла.

– Ты останешься дома! – крикнула мама.

– Я ей уже обещала, а кроме того, я провалюсь на контрольной! – крикнула Ильза.

Мама язвительно рассмеялась.

– Обещала, обещала! – И она стала говорить, что Ильза прежде всего должна выполнять обещания и обязанности по отношению к своей собственной семье.

– Какие же это обязанности? И кого ты называешь «моей собственной» семьей?

Ильза спросила это не менее язвительно. Мама побледнела. Она несколько раз открыла рот и снова закрыла его, не проронив ни звука. Потом повернулась и пошла на кухню. Но возле двери кухни вновь обернулась и сказала:

– Какие у тебя обязанности и кто твоя семья, об этом тебе в ближайшие дни придется как следует поразмыслить!

Мама и Ильза глядели друг на друга, не отводя глаз, и вдруг я заметила, как они похожи. Мама, и как только я раньше не замечала, – это просто постаревшая Ильза! Даже кошачий взгляд у нее, точно как у Ильзы. Я увидела это, когда она сказала:

– Так вот запомни! С сегодняшнего дня ты никуда не уходишь. Если понадобится, я сама буду провожать тебя в школу и заходить за тобой после уроков. Пока еще тут распорядюсь я!

Я знаю свою сестру. И я поняла: сейчас что-то произойдет. Больше она не сможет сдерживаться – или заорет, или разобьет что-нибудь. Я боялась даже, что она бросится на маму.

Но Ильза сделала нечто совсем другое. Она отвела взгляд от мамы, сняла трубку и стала набирать номер. Я стояла с ней рядом и видела, что она набирает цифры 4 и 6. 4 и 6 – первые цифры папиного телефона.

Как видно, к телефону подошла папина жена, потому что Ильза сказала:

– Попросите, пожалуйста, папу!

А потом Ильза сказала, и голос ее при этом дрожал:

– Это Ильза говорит.

– Нет, это уже превосходит все! – крикнула мама. Она хотела вырвать трубку у Ильзы из рук.

Но Ильза крепко держала трубку. Три раза она повторила:

– Папа, послушай, папа. Я...

И тут маме удалось вырвать у нее трубку. Теперь мама, держа в одной руке трубку, другой старалась отпихнуть от себя Ильзу.

– Попробуй у меня только! – шипела она. А в трубку она сказала:

– Нет, нет, извини! Это я не тебе!

И начала объяснять папе, что Ильза ведет себя безобразно, а сейчас она, видно, совсем свихнулась и еще вздумала обращаться к отцу за помощью. Но – и в голосе мамы появилась угрожающая нотка – для этого нет пока никаких оснований, а кроме того, она запрещает кому-либо вмешиваться в воспитание ее детей.

Что сказал папа, не было слышно, но, видно, что-то такое, что не понравилось маме. Она резко ответила:

– Да-да, это тебе, конечно, необходимо!

Потом папа еще что-то говорил, а мама все повторяла одно и то же:

– Это просто смешно! Смешно, смешно, смешно!

И вдруг она громко крикнула:

– Ах, понимание! Можно подумать, ты много понимаешь! Да уж, конечно! Ну давай, давай. Только тогда сам неси ответственность. Полную ответственность!

И тут мама стала жаловаться, что Ильза вчера вернулась домой в два часа ночи и рассказывала одни небылицы, все сплошное вранье, правды от нее не добьешься. Потом она замолчала, несколько раз кивнула и с довольным видом протянула трубку Ильзе.

– Пожалуйста, поговори со своим отцом. На вот, поговори!

Ильза взяла трубку и приложила ее к уху. Я стояла рядом и слышала папин голос. Он говорил что-то очень быстро, что именно, я разобрать не могла. Ильза держала трубку у уха всего несколько мгновений, а потом просто выпустила из рук. Мама успела ее подхватить прежде, чем она упала на пол. Ильза какой-то деревянной походкой направилась в нашу комнату. Она подошла к своей постели, бросилась на нее и начала реветь, очень громко.

– Истеричка! – сказала мама.

Я подошла к Ильзе. Села к ней на кровать.

– Что он тебе сказал?

Сперва я не могла разобрать, что сказал ей папа, потому что Ильза все время всхлипывала и говорила таким рыдающим голосом, что ничего невозможно было расслышать. Наконец я поняла. Папа сказал ей, что он не может в это вмешиваться, а она должна вести себя хорошо и слушаться маму. Мама желает ей только добра.

– Но ведь зла она тебе, вообще-то, не желает, – сказала я. Но прозвучало это как-то неубедительно. Ильза выпрямилась.

– Плевала я на то, что она мне желает! Никакого добра тут нет. Что угодно, только не это!

Следующая неделя была просто ужасной.

Мама обращалась с Ильзой, как с собакой. Как с Золушкой, которая приговорена исполнять всю черную работу. Ильза мыла посуду, пылесосила ковры, чистила ботинки, убирала шкафы. Она должна была заниматься такими вещами, которыми у нас вообще никто никогда не занимался. Например, мыть щетки для обуви и пришивать вешалки к пальто и курткам. Взгляд у нее был, словно у злой кошки, но она исполняла все без возражений. И домой прихо-

дила ровно через десять минут после окончания уроков. Только дело в том, что Ильза вообще не ходила в школу!

Утром в понедельник по дороге в школу она мне сказала:

– Эрика, миленькая, пойди, пожалуйста, к Штискаль и скажи ей, что у меня ангина!

Штискаль – это классная руководительница Ильзы.

Я не хотела идти к Штискаль. Ильза объяснила мне, что ей обязательно надо встретиться сегодня с Амрай по исключительно важному и срочному делу. Но, конечно, это большая тайна. А ведь встретиться можно только утром, потому что мама после школы ее никуда не отпустит. Я все равно не хотела идти к Штискаль.

– Тогда мне придется прогулять без уважительной причины! Привет, сестричка! – крикнула Ильза и побежала за трамваем, который как раз подходил к остановке.

– Ильза! погоди! – заорала я во все горло. Но она не остановилась. Она даже не обернулась.

Я, конечно, пошла перед первым уроком к Штискаль и сказала, что моя сестра заболела. Не могла же я ее подвести.

Ильза, как видно, ничего другого и не ожидала, потому что дома, вернувшись на час позже меня, сразу спросила:

– Ну, что тебе сказала Штискаль?

– Пусть поскорее выздоравливает, – прошептала я.

Ильза и на другой день не пошла в школу. И на третий. Хотя я умоляла и уговаривала ее каждое утро, она прогуливала всю неделю.

– Ангина за один день не проходит, – говорила она.

Она рассказала мне, что Амрай тоже прогуливает школу. В какие только переделки не попадают они в эти утренние часы! Какие забавные и удивительные приключения происходят с ними! Все это было очень интересно. Один раз они, например, поймали собаку, сбежавшую из дому. Оказалось, что это собака хозяина одного трактира, и он был так счастлив, что подарил Ильзе золотой медальон в форме сердечка на золотой цепочке. Ильза носила это золотое сердечко под свитером, чтобы мама не увидела.

Всю неделю я дрожала от страха, что мама заметит ее прогулы или что Штискаль позвонит и спросит, как себя чувствует Ильза. Мне даже снились дурные сны. Будто я стою в учительской – меня сюда вызвали, и допрашивают, и выспрашивают, где пропадает моя сестра, а я стою и бормочу: «У нее ангина». Но как раз в этот момент входит Ильза, смеется, показывает на меня пальцем и кричит: «Не верьте ей! Она все врет!»

В четверг вечером я слышала, как мама разговаривала с Куртом в спальне. Они спорили. Курт говорил, что никуда не годится так обращаться с Ильзой. Во-первых, это жестоко, а во-вторых, не имеет никакого смысла. То, что она пришла домой слишком поздно и не говорит, где была, право же, не имеет ни малейшего отношения к мытью обувных щеток.

Мама взбеленилась и начала кричать, что у Курта нет никакого авторитета и поэтому он тоже виноват, что Ильза стала такой. Никогда он не старался заменить ей отца.

– Ты что, совсем спятила? Как ты, собственно, это себе представляешь? Смешно, ей-богу! Заменить отца! Что это, по-твоему, значит? И вообще! Ильза с первого дня смотрит на меня так, словно убить меня готова!

– Да это же неправда! Это ты внушил себе! – крикнула мама.

– Внушил! Ха-ха! – взревел Курт. – Ничего я себе не внушил. Ты просто никогда не хочешь замечать того, что тебе не по вкусу!

И тут мама начала громко рыдать.

– За все отвечаю я одна! Только я! Больше никто! Нет, это уж слишком! Я просто больше не выдержу! Каждый говорит мне, что я все делаю не так, а как надо – этого никто не знает!

Я пошла в нашу комнату и рассказала Ильзе все, что слышала.

– Это меня больше не интересует, – сказала она.

– Почему? – спросила я. Я была разочарована. Я думала, что она обрадуется, узнав, что Курт на ее стороне.

И тогда Ильза стала говорить. Она уговаривала меня больше часа, и у меня колотилось сердце, и звенело в ушах, и живот разболелся от волнения и страха и еще от того, что мне стало так грустно.

– Нет, нет, я не буду тебе помогать, нет, я не буду!

Но Ильза сказала, что, если я ей не помогу, она покончит с собой. Лучше прыгнуть с моста в Дунай или из окна. Все лучше, чем это!

Она еще долго меня уговаривала, и в конце концов я дала ей честное слово, что помогу и буду молчать как могила.

В пятницу после школы мы с Ильзой сидели в нашей комнате. Она перелистывала прошлогодний журнал, а я какой-то выпуск про Дональда Дака. Она не дрожала, зато у меня руки дрожали так сильно, что все картинки шевелились, как живые. Мы не говорили друг с другом. В половине четвертого она сказала:

– Ну все, начинай!

Я вышла из комнаты; тихо вошла в кладовку и достала с полки большой клетчатый чемодан. Если бы в переднюю вдруг заглянула мама, я сказала бы, что чемодан мне нужен для того, чтобы сложить мои старые игрушки и снести их в подвал. Но, к счастью, мама не вышла. Она сидела в гостиной и решала кроссворд. Я принесла чемодан в нашу комнату.

– А может быть, ты все-таки передумаешь?

Ильза покачала головой. Тогда я достала из-под кровати большой ящик с кубиками. Так мы договорились. Я потащила кубики в комнату Оливера и Татьяны.

– Это я вам дарю, обоим, – сказала я. – Мне они больше не нужны.

Оливер и Татьяна взревели от восторга. Они перевернули ящик и стали рыться в кубиках. Было ясно – этим двоим тут хватит дел на целый час.

Потом я вернулась в нашу комнату. Чемодан был уже наполовину заполнен платьями и бельем. Я сделала еще одну попытку:

– Послушай, Ильза...

Она перебила меня.

– Да перестань ты ныть! Делай дело!

Я достала из портфеля тетрадь для домашних заданий по математике и пошла к маме в гостиную. Я положила тетрадь прямо на кроссворд и сказала:

– Вот, я никак не могу тут понять. Объясни мне, пожалуйста!

Мама ничего не хотела объяснять. Она говорила, что Курт это сделает гораздо лучше. Надо подождать, пока он вернется с работы.

Я стала хныкать, что Курт всегда приходит домой так поздно, а мне ведь надо еще сегодня сделать домашнее задание. И вообще, лучше пусть она сама мне объяснит, а не Курт.

Она со вздохом раскрыла тетрадь.

– Ну где? Ну что? – спросила она.

Я показала ей самое трудное упражнение. Не для меня трудное, а для мамы, потому что мама ничего не понимает в множествах.

Я объяснила маме всю тему с первого до последнего задания. Мама кивала. Потом она объяснила мне всю тему с первого до последнего задания. И я кивала, хотя она наговорила порядком чепухи. И все-таки время тянулось жутко медленно.

Ильза потребовала, чтобы я занимала маму целый час, а прошло всего полчаса, и мама уже сказала:

– Ну так, мой друг, ты все поняла и оставь меня в покое. Я хочу закончить кроссворд!

Она отодвинула тетрадку.

– Можно я тебе помогу? – спросила я.

– Нет, – пробормотала мама и внесла по вертикали «кенгуру». – Вдвоем решать кроссворд – это ни к чему. Это не годится.

И все-таки я осталась сидеть рядом с ней. Она начала нервничать и проявлять нетерпение.

– Ну что? – спросила она. – Что с тобой? Что тебе от меня надо? Ты хочешь мне что-то сказать? Что-нибудь случилось?

Пожалуй, лучше было уйти.

– Ничего не случилось. Просто я хотела посмотреть.

Я вышла из гостиной и закрыла за собой дверь.

Я стояла в передней. Из комнаты Оливера и Татьяны доносился крик.

– Она нам обоим подарила, обоим! – кричал Оливер.

– Нет мне, мне, мне, не тебе! – редела Татьяна. Татьяна и правда препротивный ребенок, и не замечают этого только Курт и мама.

Я даже обрадовалась, когда услышала звонкий шлепок, а потом громкий рев. Это Оливер наподдал Татьяне.

Но, к сожалению, рев услышала и мама, а когда мама слышит рев Татьяны, она бежит как на пожар. Даже из уборной. Бросает все – даже кроссворд.

Она выбежала с журналом в одной руке и шариковой ручкой в другой и закричала:

– Опять он к ней пристает! Ни на минуту он не оставляет ее в покое!

Влетев в детскую, она набросилась на Оливера. Теперь заревел и Оливер, а мама продолжала кричать:

– Вы меня с ума сведете! Сейчас же перестаньте! Сейчас же!

Я пошла в нашу комнату и закрыла за собой дверь. Ильза стояла, прислонившись к стене, возле шкафа. Она была в красном пальто и белой вязаной шапке. Лицо у нее было почти такое же белое, как шапка. Указательный палец она держала во рту и обкусывала кожу возле ногтя. Клетчатый чемодан стоял рядом.

Я готова была разреветься. Я поглядела на Ильзу и поняла, только теперь поняла до конца, что все это значит. Я хочу сказать, что это значит для меня. Вот что это значит: проснешься, а Ильзы нет, засыпаешь, а Ильзы нет. Есть без Ильзы, делать уроки без Ильзы. Все без Ильзы.

Я хотела сказать, что ей нельзя уезжать, потому что я не могу без нее, потому что я останусь тогда совсем одна, ведь она единственный человек, которого я по-настоящему люблю, ведь мы должны быть вместе и не разлучаться. Потому что я не знаю, как я буду без нее жить.

Я не сказала ей этого. Не ее вина, что я люблю ее гораздо больше, чем она меня. Ильза все еще кусала палец и прислушивалась к голосам в соседней комнате. Там стоял рев.

Первой перестала кричать мама. Потом умолк Оливер. И наконец Татьяна. Потом мама сказала:

– Ну так вот. Если я услышу еще хоть одно громкое слово, я рассержусь по-настоящему и напишу письмо младенцу Христу, чтобы вам на Рождество ничего не дарили, кроме коричневых колготок.

Потом дверь хлопнула, и вскоре хлопнула еще одна дверь. Мама опять сидела в гостиной и решала кроссворд. Ильза облегченно вздохнула, вынула палец изо рта и подошла к окну. Она выглянула на улицу. Я стояла с ней рядом.

– Амрай за тобой на такси заедет? – спросила я.

Ильза кивнула.

– Билеты у нее?

Ильза кивнула.

– Ты мне напишешь?

Ильза кивнула. Вдруг она сказала:

– Ну вот, наконец-то.

Повернулась, схватила чемодан и ушла. Входная дверь негромко захлопнулась. Даже «до свидания» она не сказала.

Я осталась стоять у окна. Никакой Амрай, никакого такси я не видела. Перед нашим подъездом остановился красный «БМВ».

Ильза вышла из дому. Она не поглядела вверх, на наше окно. Она открыла заднюю дверь «БМВ» и поставила свой чемодан. Потом обежала вокруг машины и села впереди, рядом с шофером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.